

Расшифровка интервью

Дата: 18.11.2017

00:00:07

Вы сейчас рассказываете о маме, а папа, он же был совершенно другой, естественно, ваш папа. Как они вообще сошлись и что он из себя представлял, какой он был? Я знаю, как они познакомились, я всё знаю. Но тем не менее мы записываем. Она пришла за деньгами, кредит, я всё это знаю. Тем не менее расскажите, пожалуйста, как произошло их знакомство и что из себя ваш папа представлял. Как он мог жить с таким человеком?

Вот он-то как раз мог. Потому что это только этикетка, что он банковский работник. На самом-то деле он был архиталантлив. Он ведь дружил с Петровым. И мне дали ошмётки повести, которая была написана и которую должны были опубликовать. Талантливейшей повести, которую написал Николай Васильевич Попов, мой отец, с редким талантом. Он был очень одарённым внутренне человеком, но внешне он был совершенно другим. Он был очень спокойным. Он был абсолютно... даже не то что не суетливым, а он как бы избегал каких-то таких резкостей. Но внутренняя сущность у него была, его масштаб, его личности, был очень велик. И, например, на меня в детстве огромное впечатление произвел именно отец. Потому что вечером, когда ребенок ложится спать, просит рассказать ему сказку, он придумывал на ходу совершенно удивительные истории. У нас была даже такая игра. Я ему говорила: «Расскажи сказку». Он говорил: «Какую сказку?» «Чтобы она была весёлая и грустная. Чтобы там было много приключений, но всё кончилось хорошо, но чтобы мы до конца не знали, что кончится хорошо, и чтобы было неожиданно». То есть я ему давала сложнейшие задачи. И он рассказывал эти сказки. А иногда утром я приходила, когда мама и папа вместе, и говорила, что папа мне рассказал сказку. Она говорит: «Ну напомни мне». Я начинала напоминать, а она продолжала по-своему. И была даже такая их совместная сказка, которая называлась «Пупсытина». Она родилась от того, что у мамы стояли... Она обожала игрушки. Вот в её кабинете масса игрушек. Она всегда просила дарить ей только какую-то игрушку. У меня вот, — я переехала, уже 10 лет назад пришлось ее квартиру продать, расселиться, потому что у брата были сложности, — но до сих пор у меня не было времени разобраться, потому что так и стоят эти коробки в одной комнате закрытые. Ну сейчас уже мне даже и не хочется, думаю: ну это уже после меня. Там, например, целая огромная коробка игрушек, которые стояли у нее в таком серванте. И она обожала их, самые разные, они были действительно художественные. И вот она тогда сказала... У нее стояла такая пузатая какая-то игрушка с надутыми щеками. Она сказала: «Как ты думаешь, как её зовут?» Я говорю: «Ну, пупс какой-то». Она сказала: «Правильно. Это Пупсытина». И вот они вдвоем рассказывали сказку про Пупсытину, которая то оживала, то говорила, что ей не нравится в мире людей, она лучше будет в своем образе, то она вступала в какие-то противоборства. И вот я помню, раза два или три они как бы соревновались, рассказывали эту сказку. Так что отец был совсем другой, чем мама. Но он, пожалуй, был, и она даже об этом говорила — у нее были разные поклонники и разные увлечения, — что, пожалуй, ей ни с кем не было так хорошо, спокойно и надежно, и глубоко, как с Николаем Васильевичем Поповым, потому что он действительно был очень талантливым человеком. И его талант сочетался даже в таких проявлениях. Вот, например, у меня день рождения. Ну вот что может подарить отец ребенку, отец дочке? Ну, предположите там, коробка конфет, игрушки какие-то, да? Что делал мой отец? У него была машина «Линкольн» с удивительным голосом, такие «уо-уо», какие-то такие, с переливами какие-то, неповторяемо. Служебная машина, он был председателем торгбанка. И вот он сказал: «Так...» А у нас была дача в Серебряном Бору, не своя, мы вообще-то жили очень ограниченно, у нас на Карманицком переулке, где мы жили, там стояли доверху коробки шоколадных конфет, которые дарили, да? Но чтобы поесть нормальной каши — извините. И только когда маму посадили и бабушка взяла бразды правления в свои руки, появился нормальный обед. А так это всё было такое вот, как говорят сейчас в рекламе, перекус на бегу. И ребенки так же, и дети так же жили. Но тем не менее необыкновенно многообразно и весело. Ну так вот, день рождения. Что делает папа? Говорит: «Так. Давай-ка...» Да, и вот когда папа приезжал, его знали все наши дворовые. Сейчас это почему-то не принято, мы стали какими-то узкими, пенальными, спесивыми. Тогда мы были более открытыми. И вот это содружество двора, наш двор, это было очень много, очень много, это наш двор, вот все ребята. И вот когда только раздавался этот голос его машины, все кричали: «Дядя Коля приехал, дядя Коля приехал!» Уже одно его появление, он был детским человеком. Так вот, на день рождения он объявил по «дворовому радио» — достаточно было сказать кому-то одному, — что сбор во столько-то часов. Мне он сказал, что он занят, хотя было воскресенье, но так и быть, где-то в пол-одиннадцатого он приедет. И вот в пол-одиннадцатого весь наш двор приехал в гости. И какие только игры он не придумывал, и что мы только не должны были сделать, это был поток творчества огромного фантазера. Вот таким был мой отец. Но при этом, конечно, он очень грустно кончил, потому

что он не мог понять, что происходит, когда вокруг него сплошная пустота, когда каждый вечер приезжал черный «ворон», когда мы в силу своей глупости и наивности и какой-то одержимой пионерской увлеченности завидовали Зорьке Сокольниковой, которая... Однажды за ней пришло НКВД. А Сокольниковы и Серебряковы жили в соседних [квартирах]. Мы дом 3, квартира 8, а они квартира 7. И там, когда он переженился, то там была ее младшая сестра, и к ней даже... Такая была бонна. Как многолика жизнь! И вот эта бонна, она не разрешала даже близко подходить, потому что «чтобы ребенок не заразился». Вот это был особый выезд. Но и бонну... И собака Булка, скотч-терьер, все в один прекрасный день... И сама маленькая Лина пропала на много-много лет в каком-то таком детском приемнике. А Зорька, старшая, я помню, как мы ей глупо завидовали. Она вышла настолько с этим пионерским апломбом, вышла, и мы смотрели ей вслед, рядом шли двое военных, они распахнули перед ней дверь машины, она помахала ручкой, села и уехала лет на 15, если не больше. Но бывают странные гримасы судьбы. Однажды я шла в Алма-Ате, где мы жили с мамой, уже она была не амнистирована, не реабилитирована, но строила совершенно изумительный театр в Казахстане. И вот иду по алма-атинским улицам, а улицы эти потрясающие, а навстречу идет беременная женщина. Ну что такое беременная женщина? Это не украшение. Идет человек с огромным вздутием, переваливаясь, как это бывает, но с такими лучистыми глазами! Я так остановилась: «Зорька!» Она мне: «Ксанка?» И вот она, — ее то сажали, то выпускали, то сажали, то выпускали, — она, так сказать, всё время на какое-то время. Тем не менее она закончила в университете заочное, исторический и иностранных языков, потрясающе талантливый человек. Тем не менее у нее был муж Генрих. По-моему, он был то ли югослав... Боюсь ошибиться. Они друг друга ждали, пока она освободится. И она освободилась. И они дождались. Но испытание счастьем они не выдержали. Уже месяца через три они развелись. А дальше было еще хуже. Лина тоже вернулась, и началась дележка имущества. И Зорька, лучезарная Зорька, которая, казалось, всё могла вынести с высоко поднятой головой, всё пронести, всему остаться верной... У меня даже в книжке это есть. Испытание благополучием. Я не знаю, у вас, наверное, нет моей книжки. Нету, да? Но я вам всё равно не подарю, так что не надейтесь. У меня хорошая книжка, почитайте ее. Ее скачали в интернет.

00:12:55

Я ее читал в интернете.

Да. Это маленькая книжка. Она называется «Путь к себе». А попутно есть разные рассказы. Вот один из этих рассказов называется «Испытание благополучием». А вот эта большая книжка называется иначе, она называется «Детективы одной судьбы». Название тоже, кстати, хорошее. Ну мне какая-то редакция позвонила: «Роксана Николаевна, что вы делаете?» Я говорю: «Что я делаю? Я много чего делаю не так. Скажите, что на этот раз?» «Что вы делаете? Ну почему вы не запретили скачивать вашу книжку? Мы бы ее переиздали — и все». Я говорю: «Я даже слов таких не знаю, “скачивать”, “накачивать”». У меня есть чудный коллектив моих подопечных. С одной вы познакомились. Они всё умеют делать. Я ей скажу: «Таня, посмотри в компьютер. Таня, скачай мне». Скажу, я выбираю слово. «Аэлиту», она мне нужна вот сейчас. Она всё сделала. Давайте ваши вопросы, а то ваш оператор боится, что у него кончится пленка.

00:14:17

А сейчас пленки нет, я не боюсь.

00:14:19

Роксана Николаевна, у меня множество вопросов.

Нет, множество не надо, я уже устала.

00:14:26

Ну интересно. Вот вы говорили про папу, про маму. Я знаю, что ваша мама сама уходила от мужей. Почему она рассталась с папой?

А потому что увлеклась. Она была очень увлекающийся человек. Потому что она очень полюбила Вейцера [Вейдера] Израиля Яковлевича. И очень его полюбила. Потому что так произошло. Но там тоже, кстати, не всё было гладко, потому что у папы тоже была поклонница, которая давно вокруг него ходила. И еще как. Выхаживала. Может быть, он в какой-то момент, что-то почувствовав, он... Как это бывает: ну раз так, то и так, то и я так. Хотя надо вам сказать, что было и другое. И в день ее рождения, и в какие-то праздники, я тому свидетель, у нас дома, в Карманицком переулке, собирались все четыре ее мужья. Все. От Сергея Григорьевича Розанова. От Николая Васильевича Попова. Леонида Алексеевича Половинкина, с которым я очень много... Израиля Яковлевича [нрзб]. И все смотрели на нее влюбленными глазами. И бывали изумительные вечера, и все приходили с букетами цветов. И

Леонид Алексеевич Половинкин умер. Он был дирижером, композитором. Талантливейший человек. Их многое связывало, связывало творчество. Вот я сейчас яблоки собирала, у меня яблоня есть одна, которую я случайно приобрела. Просто я поехала на Белую Дачу, у меня появился участок, решила: дай-ка я что-то посажу, дай-ка я стану все-таки другой, нечего мне порхать. И поехала на Белую Дачу. А перед этим я там познакомилась с одними девочками. Девочки как-то ко мне очень расположились, они мне отложили серебряные елки. Две, самые лучшие. И яблони, самые лучшие. Сказали: «Приезжайте». Я заматалась, приехала на часа два позже. И когда мы подошли [туда], где хранились эти бесценные сокровища, выяснилось, что одну елку стащили и подложили вместо нее какую-то плохишную и почти все яблони за исключением двух тоже благополучно [унесли]. Увлеченные садоводы, значит, приобрели. Взяли. Они очень расстроились, но им хотелось всё-таки что-то мне сделать хорошее. Ничего с елками они сделать не могли. Хотя парадокс, что эти две елки, плохая и хорошая, распрямились и плохая стала еще краше хорошей. И сейчас, когда я приезжаю, у меня там практически ничего нет, но эти елки своим шатром серебряным мне так много напоминают, в том числе Тянь-Шань, где я была альпинисткой, всё это. И какой-то вот парадокс судьбы. А яблоню, она сказала мне: «Вот возьмите-ка вы яблоню. Вот эту. Ее никто не берет. Она называется "ольвик", она только поздней осенью поспевает, но вы не прогадаете. Ну возьмите, Роксана Николаевна, ну пожалуйста». Ну если человек просит, возьму да посажу. И вот эта яблоня оказалась самой-самой лучшей. Она действительно только поздней осенью дает [плоды]. Последние, я три дня назад была там, я собирала эти яблоки. Но было лето очень плохое, поэтому всё попортилось, там были червоточины. Но несмотря на червоточины, она сохраняла какой-то свой неповторимый вкус. Вот в человеке тоже бывают видны червоточины. Потому что, слушайте, это так интересно. Дали бы мне, прям хоть запиши куда-то. Даже издай. Леонид Алексеевич, когда было общее собрание... Он, кстати, был из семьи промышленников, уж его-то сажать должны были чуть ли не в первую очередь. Все друг друга продавали, то есть все отрекались от Натальи Ильиничны. Там кто-то ходит, что ли? Мы можем им сказать, чтобы они ушли.

00:19:55

Нет, никого нет.

Это такая?...

00:19:57

Угу.

Ну вот. И он тоже отрекся, сказал, что он был близорук, не разглядел и прочее. Кстати сказать, я могу сказать, с Натальей Ильиничной было архитрудно работать. Я, например, слезами умывалась, потому что она захотела, чтобы я к ней перешла. Я перешла, хотя я бросила престижнейшую работу, потому что меня уже выбирали в член-корреспонденты Академии педнаук. Я, правда, не прошла, потому что там был большой список кандидатов, у всех стояло по три строчки, что там он натворил. У меня было только одно слово: учитель. Больше ничего. Ну, ко мне так хорошо относились, что сказали: «Мы клянемся вам, что в следующий раз вы всё равно пройдете, мы всё равно это...» Я действительно там весьма состоялась, но Наталья Ильинична захотела, чтобы я работала у нее. Если она что-то захочет, то это было примерно так: «Руся, здравствуй» — «Здравствуй, мамочка». Я тогда еще была свободным человеком, я работала в одной области, а она в другой, хотя мы уже были в Алма-Ате вместе. Я закончила свою артистическую карьеру. «Здравствуй, мамочка» — «Ну так ты идешь ко мне?» Я говорю: «Я? Ну что ты, мам, зачем? У меня своя профессия» — «Я тебе дам 110 рублей» — «Мамочка, я около 600 получаю». «Но ведь это театр». У нее было одно слово: «Но ведь это театр». И черт возьми, неизвестно зачем, по какому-то наитию. Да нет, не я одна. У нее была гипнотическая сила. В конце концов, я вдруг поняла, что мне надоело говорить про имена существительные, развивать биографию Тургенева, делать сопоставления. Меня любили ученики. Мне там было комфортно. Мы не были формальными. И когда в конце я уже там, уже почти одной ногой была в театре, мне достаточно было бы сказать: «Слушайте! Я опоздаю, чтобы везде была тишина». Они сами всё делали. У меня было очень хорошее отношение. Но в конце концов я ушла. Что сделала моя обожаемая мамочка, когда я ушла? Во-первых, я должна была забыть, что она моя мама. Уже всё перешло так: Наталья Ильинична, Роксана Николаевна. Она так меня приучила, что даже в отпуск, вот она позвонит: «Руся», — через 5 секунд: «А что это у вас, Роксана Николаевна, там вот это самое? Вообще, я не понимаю, у меня есть сотрудники или нет, есть у меня педагогическая часть или нет, есть у меня литературная часть или нет, я не понимаю, где мы находимся!» — «Да, Наталья Ильинична» — «Нет, я не понимаю вас, Роксана Николаевна». То есть она была... Да вы разводите руками. Это так. И у нее было любимое слово: пафос дистанции. Да, у нее, она была увлекающейся. И любимые мужчины были даже связаны с театром. Но никогда... Вот это, пожалуй, единственный человек, в отличие от всех, кто ее окружал, в том числе от самых любимых, может быть даже мой папа, не знаю, оставим эту тему. Все, в общем, отрекались. Она ни от

кого никогда не отреклась и никому никогда не сделала ни одного подлого поступка. Подлого, понимаете? Она могла вас действительно публично — это очень больно — размазать. Размазать в назидание другим. Но мы жили в архитрудных условиях. Мы скитались по этим клубам, по промерзшим. Нас пускали из милости. Нас ненавидели билетеры. Но есть одно «но» — любовь к своему делу и увлеченность, в конце концов эти же билетеры вдруг расположились к нам. Что им было удобнее? Когда Кобзон или Алла Пугачева выйдет, никаких хлопот, престиж, всё переполнено. Или мы со своей ордой «Морозко» изображаем. А еще выйди утихомирь эту публику. Это моя была обязанность. И кстати сказать, насчет обязанности. Она мне однажды сказала: «Слушай-ка, я завтра занята». Это был примерно третий, что ли, спектакль только что рожденного театра. «Пойди-ка скажи вступительное слово». Я говорю: «Мам, я никогда не говорила» — «Ну и что? Ты же моя дочь». У нее, кстати, был эталон: «Ты же моя дочь». Когда нужно было, она это вспоминала. Потом тщательно вытравливала из самой себя. Я вышла, сказала: «Ребята, мы сегодня покажем вам оперу». Они заорали: «У!» Поднялся такой галдеж, что я тихо ретировалась. Прихожу домой, звонит мама, вот это, кстати, ее черточка: «Руся!» — знак высшей благосклонности — «Слушай, я завтра тоже занята. Пойди-ка скажи вступительное слово». Я говорю: «Ну я же провалилась» — «Я знаю, мне сказали. Но ты же не позволишь себе поставить на этом точку. Ты же не можешь этого сделать». Я вышла и начала: «Ребята, вы сейчас услышите оперу». Они заорали: «У!» Я говорю: «Вы не любите оперу?» — «Нет!» Я говорю: «Ну и прекрасно. И не любите. Давайте в такую игру поиграем. Вот если мы покажем вам плохой спектакль, вы сожмете кулаки, встанете к стенке и будете так стоять. А если нет, то вы встанете к стенке и просто посмотрите, как артисты выходят. Ну а сейчас чего это вы, чего ж мы с вами разговариваем?». «Так, а как вы умеете? А ну-ка, как вы можете?». «Ну что это ты, думаешь, это красиво, что ли? Ты думаешь, что они радуются? Да они давно тебя знают, Господи, как в цирке». «Ну мало ли что, [нрзб]». Затихли. Замолчали. Спектакль начался. И вот в антракте, спектакль всех захватил, и, значит, я стою и разговариваю с Марианом Ковалем, с композитором, «Волк и семеро козлят». Я говорю: «Тем более тут композитор». Я сказала со сцены: «Композитор, он не знает вообще, действительно, зачем вам опера-то. Наверное, она вам не нужна. Просто вы что, не можете послушать даже? Ну как вы умеете слушать? Ну-ка! Да, у тебя получается. У тебя получается. А ну-ка, чтобы у всех получилось. И он даже и не будет больше ничего писать, раз вам не нравится это. Раз не получается». Ну вот я стою разговариваю. И вдруг подходит какой-то бутуз, толкает меня в спину. Я говорю: «Что?» — «Написал». Да [я им сказала]: «И напишите там, если что хотите. Насколько мы плохие». Я говорю: «Что ты написал-то?» — «Письмо». Говорю: «Кому?» — «Композитору». Я говорю: «Да? Ну, давай». Там печатными буквами написано: «Пиши, получается». Понимаете? Вот она заставляла нас всех прыгнуть выше себя. Она заставляла, понимаете? Она видела, у нее был золотой ключик человековедения. Так же точно между прочим она мне сказала. Мы пришли к Анатолию Николаевичу Александрову. Причем она была очень многоречива и очень немногословна. Вот как это? Вот как она могла говорить о чем угодно, отвлекаясь, уходя, но возвращаясь в исходную точку. А в то же время какой-то вот такой парадокс. И вот, значит, сидим у Александрова, идем к Анатолию Николаевичу домой, она говорит: «Ну вот что. Давай, пиши-ка ему либретто». Я говорю: «Либретто? Мама, ты что, я не умею писать либретто, как это?» — «Как это так? Раз ты завлит, ты должна научиться». Но это уже было позже. А до этого мы ездили, у нас было такое, чтобы выжить, надо же выпускать новые спектакли, надо их создавать. Ну и вот, значит, надо было что-то создавать. И мы снимали, она снимала где-то там, мы ехали в провинцию. И вот в провинции мы там какое-то время выступали, за это время мы должны были, значит... За это время надо было... Снимались разные клубы, коллектив делился на три-четыре части, и надо было в разных клубах сыграть по елке. Тогда было, значит, три этих клуба. Заработать, а потом якобы отдохнуть и за это время репетировать что-то настоящее. Понимаете? Ну и вот так же... И вот мои первые литературные опыты были именно такими, что мы ехали, значит, вдруг она сказала, вопреки своему обыкновению, когда мы стояли на платформе, она сказала: «Так, Роксана поедет со мной». Это был исключительный случай. Я всегда ездила с коллективом. Наталья Ильинична в СВ, Роксана Николаевна, так сказать, в купейном вагоне в лучшем случае. Я пошла. «Так, ты поедешь со мной. Вот что. Значит так». За это время, примерно дня через три, нет, дня через четыре, вот так вот... Это вообще была ее манера, она потом тоже мне так же говорила: «Нет, лучше через три. Мы должны с тобой родить елочные сценарии». Я говорю: «Как это так?» — «Ну, очень просто. Как делаются елочные сценарии? Во-первых, все друг у друга воруют. Во-вторых, там должны быть Дед Мороз и Снегурочка. В-третьих, Дед Мороз должен в конце сказать что-то в духе последних постановлений партии и правительства. Ну, и наконец, должна быть интрига такая, чтобы детям было интересно». Я обалдела. «А вообще сейчас нечего разговаривать, я устала, я спать хочу, пожалуйста, полезай на свою верхнюю полку, и чтобы меня никто не отвлекал». Ну, влезла на верхнюю полку. Я совершенно ошалела. Я включила маленький ночник и смотрю, как же пишется сценарий. Ну, представьте себе, к утру я, тем не менее, что-то родила. Родила — и от восторга, что я что-то родила, сказала: «Мам, а я что-то тут написала». Она сказала: «Ну что я буду читать всякую муру? Что я, с ума сошла? Ладно, написала и написала. Я пошлю...» — там была организация, Москонцерт, где она тогда работала — «Они там разберутся, что ты там наворошила». Ну, она сказала: «Я напишу, одну ты, а третью мы еще там сварганим». И она говорит, так опять, между прочим, она не хвалила

никогда: «Слушай, мне пришел отзыв на твоё творение. Они вполне удовлетворены, даже более того. Так что пустим в дело». У неё была колоссальная интуиция. Она знала, что это свершилось. И так же с Александровым, мы пошли. «Липанюшка» [«Липунюшка»]. Я говорю: «Липанюшка, что это такое?» «Я не знаю, что это такое. Но раз он этого хочет, а он очень старый, он скоро умрет, а мне нужно, чтобы он написал хорошую музыку. Так что, пожалуйста, найди это». Я пришла. Интернета тогда не было. Тем не менее русские народные сказки. Я открыла — «Липанюшка». Жили были дед да баба, было им скучно, и однажды дед смастерил из липы игрушку. И он её поместил... И они с бабой каждый раз её принимали за ребёнка, каюкали, баюкали, и им стало легче жить. Я обалдела от этого сюжета. Ну, я задумалась. Липанюшка. А слово-то какое хорошее. Липа. А что, если оно не сделано из липы, а превратится в липу? А кто его превратит? А почему? А как? А что случилось? Та-та-та-та — ниточка потянулась. Я была так довольна. И мы пошли к Александрову. «Так, идем к Александрову». Она пришла раньше, я пришла позже, так мне было назначено, а не то, что... Пришла. Она говорит: «Вот что, "Липанюшка" отменяется. Анатолий Николаевич, мы с ним передумали. И потом это вообще какой-то недорезанный Буратино, а мне нужен настоящий, поэтому "Липанюшка" мне не нужна». Я говорю: «Как? Но я написала» — «А она меня не интересуется, оставь, пожалуйста, свою «Липанюшку». Пиши сценарий по "Левше"». Я, кстати, написала, был очень хороший спектакль. Но и «Липанюшка», как ни странно, нашла своё пристанище и, честно говоря, подкормила меня, потому что была такая композиторша, Жанна Кузнецова... А я вот сейчас к вам шла. Вот это смешно. Я опять заметила, что у меня плохо закрывается замок. А я уже один раз просила его сменить. А почему? Потому что я заметила, что ко мне в комнату [ходят], её посещают. В то время, когда я выхожу или что-то. А я рассеянная, что... Я вообще один раз уже ключ теряла. Что у кого-то есть ключ, кто-то его это самое. Причем, так сказать, сумки там стоят, деньги даже там бывают — ничего похожего. Тем не менее кто-то там бывает. И я обнаружила, что у меня пропало. У меня пропала «Липанюшка», изданная. Она была издана. И она пошла по Союзу, потому что она очень широко шла, потому что там было восемь действующих лиц, очень удобная для халтур. И публику держит, и ситуативна, и тема прекрасна, и действительно поэтично была написана. Так украли у меня «Липанюшку»-то. А почему? Потому что всем нашим тоже надо зарабатывать. Значит, знали, что есть такое. А где её возьмешь-то? Украли. И еще там елочные сценарии — украли.

00:38:38

Ну, Наталья Ильинична, извините, говорила «все воруют», вот.

Вот. Но воруют в каком-то другом смысле. Ну так вот, возвращаясь к Наталье Ильиничне. Она могла вас всенародно настолько пригвоздить, что вы идёте домой и думаете: «Всё, завтра же меня не будет. Всё». Перед нашими заседаниями мы стояли и, так сказать, вспоминали: сегодня ты, а завтра я. Но когда она начинала кого-то обличать, мы через какое-то время начинали думать: «А в самом деле ведь она права. Ах, как он нехорошо себя повёл. Ах, как ему не стыдно». И все соглашались с ней, у неё был удивительный дар убеждения. Но выругав всенародно, высечь, но не предать. Уже через какое-то время подымет. Вот так у нас «Максимка» был спектакль, который стал одним из самых кассовых. Как она разбомбила за одну мелочь, не дослушав до конца! Что мичман, когда сел на корабль, запел, как он тоскует по родине. Она сказала: «Что? Эти слюни, я вас презираю, я никогда не буду это ставить!» Прошло время, она остыла, мы посмотрели, убрали одну арию, казалось бы. Но она же так же точно по отношению к режиссеру. Через какое-то время скажет: «Так, а теперь сделайте то-то, то-то и то-то». И тут же подымет, и тут же даст движение вперед, и тут же вдруг даст тот толчок, вот так же, как с этим «Максимкой». У меня была сцена, которая всем безумно нравилась, что мальчишка танцует, а в это время приходит его истинный хозяин и начинает его выкупать у второго, а он беззаветно танцует, веселя всех, и параллельно идет торг, сколько за этого негрятенка дадут денег. И вот всем безумно нравилась эта сцена, но она не шла. Она не шла. Ну не могли мы поставить. Всё, у нас премьера послезавтра, а у нас... Мы сняли помещение в Саратове, у нас послезавтра премьера, всё оповещено, спектакль развалился. Она приходит, смотрит, вот в такие минуты она делалась предельно сосредоточенной, смотрит и говорит: «Чушь собачья». Вдруг. «Как? Ну это же так здорово!» — «Глупость. Заумь. Так, ты танцуй. Он появляется. Как только ты его увидел, ты беги. Ты беги. Спибай всё, что тут есть, это таверна. Спибай стулья, всё, ты беги, ты в ужасе, ты его увидел» — «А а как же музыка?» — «К черту ваша музыка, ерунда собачья, тоже мне Чайковский. Ну-ка, как только он войдет, выключайте музыку, только дайте щеточку, только дайте звучание ударных, такое нарастающее, тревожное ударное. Всё». И вот так. И не дойдя до конца спектакля, сказала: «Всё, заканчивайте без меня, я ухожу». И вот на следующий день у нас даже репетиции не было больше. Я никогда не забуду, как мы с главным дирижером Виктором Михайловичем Яковлевым, талантливейшим человеком, шли. Мы шли на позор, мы шли на казнь, но мы шли молча. И вот мы заиграли. То есть такого успеха... И потом так он забирал, этот спектакль, потому что действительно, когда вдруг человек увидел, что те русские моряки, которых он так полюбил, где он стал... Всё кончилось, сама музыка обрывается, и он кидался, и всё. И как потом звучала эта песня, потому что когда они уходили, это было написано, они шли потупясь,

молча, потому что его увели. И все только говорили: «Прости, Максимка, такое дело. Прости, Максимка, такое дело. Прости Максимка...» И шел занавес. И вот самая непробиваемая публика — детская, были слезы. И это был один из самых успешных спектаклей. Она умела видеть зерно в человеке, в постановке, во всем. Поэтому ее, кстати сказать, обожали в лагере. Обожали.

00:44:37

И вот ее, я вас уже перебиваю, Роксана Николаевна, когда заключенные продавали, вот вы писали об этом, и они ее спасли, они ее кормили, когда она... Роксана Николаевна, а вот мы к этому придем, хотел спросить, когда Израиля Яковлевича забрали, он же был на этот момент ее мужем, а потом уже она... Вот как она себя вела, это же при ней всё, наверное, происходило.

На всех ее допросах... У меня есть удивительная бумага, касающаяся моего отца и касающаяся моей матери. Две бумаги, ну, с разной фразировкой. В одной написано: дело прекращено за отсутствием состава преступления. На другой написано: дело прекращено за отсутствием состава обвинения. Там это была единственная бумага, реабилитированная. Отсутствие состава обвинения. Каждый раз, когда ее допрашивали и говорили: «Ну вот сообщите, Половинкин, он же вот такой, такой, это вот у него такое, такое». «Нет, ну, я же не могу сказать того, чего не было. Ну я просто не могу. Я не могу». И вот жизнь сложна, мне много лет, но я могу сказать, что у нас никто не уходил из театра. Да, все вот въезжали в это, зная: Наталья Ильинична, — и до сих пор. У нас сейчас очень хорошие руководители. Но я никого не сравниваю. Но я просто знаю только одного человека, который ни из каких соображений... Это касается и мужей. И Леонид Алексеевич Половинкин отрекся. А потом он умер, когда она вернулась. И он пришел к ней озаренный, как он и пришел, озарен, и сказал: «Как там у тебя?» У него была другая жена, Мура. Он сказал: «Какая Мура! Я всю жизнь любил только одну женщину. Только одну». И он умер. Тоже, кстати. Он пошел в гастроном на Арбате и сказал: «Дайте мне самый красивый торт для самой замечательной женщины мира». Ему протянули торт, он его оплатил, он пошатнулся и умер. Он умер. Это продавщица рассказывала. Ни одного человека. И, кстати, только когда было общее собрание, все говорили, что они видели, но не разглядели, что они близоруки. Они подозревали, но они близоруки. Как они каются, какая она ужасная. Они видели... Она не могла бороться с подлостью, нет. Это не она. Вот эта мелкая такая мразь, лезть — это не она. И только одна... По-моему, ее звали... Ее секретарша. У меня, к сожалению, плохая память на имена. Это стыдно, что я ее забыла. Волкова. Елена Андреевна, по-моему. Сказала: «Ни одного плохого слова я в ее адрес не скажу. Это был чистейший человек. Кристальный человек. Мне больше сказать нечего». Ее, конечно, уволили. Я не знаю, где она кончила, но вот она единственная из всего коллектива, хотя уж сколько мать делала для них, и путевки для всех доставала, у нее также шквал был такой доброты. Работают все совершенно на износ — всем путевки. Обошла всех, всем путевки. Все едут отдыхать, все могут как-то жить. Потому что слава-то у нее была колоссальная.

00:49:02

И все от нее отrekliсь?

А?

00:49:05

И все от нее отrekliсь?

Все, все, кого бы ни спрашивали, все говорили, что они подозревали, но они близоруки. Вот так. Слушайте, я уже устала, может хватит?

00:49:16

Роксана Николаевна, ну мы еще не начинали.

Нет, слушайте! Минут 15 — и всё.

00:49:12

Минут 15, да. Просто... Хорошо. Роксана Николаевна, а как?..

Коротко: вопрос — ответ. Вопрос — ответ.

00:49:28

Давайте. Как происходил арест мамы? Вы присутствовали при этом?

Да нет, конечно.

00:49:31

А где это происходило? И как это происходило?

Я только присутствовала при том, что я была в этом самом. Это у меня в книжке написано, это вы сами прекрасно можете взять. Мы жили...

00:49:43

Я читал, я много знаю, но мы просто записываем для тех, кто это не слышал. Я читал, я знаю, просто чтобы произнесли вы.

Мы были в этом самом.

00:49:52

Это я знаю прекрасно. Как все тоже перестали с вами общаться. Просто хотел, чтобы...

Нет, я вам должна сказать. Мы были с Аськой на море. Это было в Гаграх. Это был замечательный такой номер, где к нам прямо в окно черешня спускалась. Это было очень красиво, мы так жили. И каждый раз, когда я там выходила... А мы были хулиганы, ребята, мы однажды устроили: взяли тыкву, выдолбили, вставили в нее огарок и ходили, в привидения играли. И какая-то там отдыхающая чуть с ума не сошла, возмутилась, пошла жаловаться, что вот эти дети безобразные, дети [нрзб]. Ну, ей сказали: «Ну и что? Ну это просто детская шалость, это так мило. Это же талантливые дети обожаемой Натальи Ильиничны». И такая была сестра-хозяйка, никогда ее не забуду, она вся была такая толстая, как блин, жирная: «Ой, красавица наша! Ну какая же ты, Ксаночка, красивая!» И вдруг в один день я выхожу, и эта сестра-хозяйка совершенно свинцовыми глазами смотрит и говорит: «Чего ты сюда идешь-то? И вообще, иди, тебя к директору вызывают. Давно пора тобой заняться, вон, отдыхающую чуть не не довели до инфаркта». Мы приходим туда, и нам говорят, что «поезжайте домой, вот вам билет, всё». Мы [говорим]: «Как? У нас еще полторы недели». — «Нет-нет, это всё отменяется, поезжайте». Приехали, а тут уже сургучная печать. Нам оставили одну комнату. Так, дальше, по-быстрому.

00:51:54

Мама потом рассказывала, как это происходило?

Нет.

00:51:57

Она никогда...

А, нет, очень просто. Она рассказывала. Она вообще дружилась, у нее был широкий круг, и однажды пришел лейтенант, который ходил в театр, который якобы очень был ее поклонником, и сказал, что он хочет ей показать какие-то там интересные культурные объекты. Поехали, она ему не раз говорила, что она сегодня не может, завтра не может, он терпеливо говорил: «Ну давайте послезавтра». Наконец, послезавтра она вышла в этих туфлях-лодочках, в очень красивом плаще. Он распахнул дверцу. А я не умею разговаривать по-другому. Поэтому давайте, так сказать, телеграфно?

00:52:43

Вы так интересно рассказываете, я решил вас [не останавливать]. Вы знаете, у нас все остановилось, и он ей предлагал, она вышла в туфлях, в туфлях-лодочках. Продолжите, пожалуйста, с этого момента.

Вот она в туфлях-лодочках и в плаще. И он ей сказал: «Вы арестованы». И вот в туфлях-лодочках и в плаще — в теплушку и в Сибирь. Когда она вошла, ее к уголовникам, и там была такая какая-то бывалая. Все над ней стали смеяться, а она встала и стала читать Пушкина, сказку. Она очень любила. Она прекрасно читала сказки. Они стали слушать. И потом она стала им читать сказки. И такая была Маша Овчарка, она сказала: «Так, иди сюда, курва. Вот тебе, укройся тулупом». Ну, есть известный факт, вы, наверное, читали это, как когда она... Везде она несла с собой творчество. Попав в лагерь, она очень скоро сказала, что она хочет поставить с ними спектакль. Когда у нее украли фильдеперсовые чулки, то уголовники устроили засаду возле нужника. Обледенелый нужник. И, значит, в дырку видно было, кто в этих чулках. И эту самую схватили, ее стали избивать, но это увидела Наталья Ильинична. Она

ее защитила. Она сказала, что это ерунда. Ну, не ерунда, но она ее защитила. Но не только защитила. Она ее привела на репетицию. Та тоже совершенно ошалела, в самом лучшем смысле слова. А потом выяснилось, что у нее прекрасный голос, и она стала петь, и она у нее выступала. И однажды мы сидели уже в этом кабинете, том самом, где вы находитесь, и вдруг раздался стук в дверь и всунулась... Да, и она, значит, стала водителем у какого-то начальника. Начальник с ней сошелся. У них родилась дочка. Начальник, конечно, на ней не женился, но он ее перевез в Москву, но поступил благородно, но какую-то комнатушку он ей выхлопотал. Какую-то службишку он ей сделал. Она стала очень хорошим водителем. И однажды она всунулась и сказала: «Наталья Ильинична...» И Наталья Ильинична посреди заседания сказала... Забыла, по-моему Валя ее звали. «Валька! Валечка! Ты ли это?» — «Я, Наталья Ильинична. Могла ли я вас забыть?» А потом она сказала: «Наталья Ильинична, я не одна к вам пришла. У меня дочка Наташа. Как же я могла назвать? Только Наташа». Наташа Лукашина. Она стала нашим первым осветителем. Красивая была девочка. И помрежем первым. Замечательно говорила: «Дорогие друзья, через 15 минут у нас начнется спектакль». То есть она настолько интеллигентная, красивая. Но, к большому сожалению, судьба ее оказалась трагичной. Она вышла замуж за безумно полюбившего ее одного из наших же рабочих, но таких, пришедших. И он ее однажды в припадке ревности избил, отбил ей почки, и она от этого умерла. Вот всякие вещи. Но для нее, для Натальи Ильиничны, для нее, да, она входила в самые высокие сферы, но Валечка родная, это была Валечка родная. Дальше.

00:57:15

Роксана Николаевна, почему вы оказались в детском доме? Как это случилось? У вас бабушка была.

Мы остались с бабушкой. Было очень трудно. Но в моей книжке вы это прочтите, там хорошо [написано], как мы с мамой были на свидании.

00:57:33

Я это знаю, просто чтобы вы произнесли.

Нет, что ж произнести. Вот однажды пошли на это самое, на свидание. Долго шли. Приехали. Был-то уже ноябрь, слякоть, грязь. Я помню, как бабушка шла, у нее спина была совсем-совсем мокрая. Кстати сказать, когда она умерла и сделали вскрытие, все поразились, как при таком склерозе она могла слова произносить. Она не только слова произносила, она ее спасла. Она везде посылала посылочки наугад, на все лагеря. Авось какая-нибудь дойдет. Однажды, когда мама уже тоже умирала от сыпного тифа, вдруг пришла посылочка, наугад посланная. Она ее спасла. Вообще вот мне... У меня тоже довольно сложная была жизнь. Но что мне самое главное? Люди. Меня спасли, когда я умирала тоже от тифа. Спасла простая женщина, тетя Маша. Когда меня привезли в больницу и положили, был Саратов, наступал немец на Сталинград, было холодно. У меня было двухстороннее воспаление легкого, тиф брюшной. Я до сих пор... Все в театре удивляюсь. И даже мама шутя говорила: «Я не понимаю, куда Роксана деваает деньги. Она получает зарплату, она пишет сценарии, и потом она же ничего не ест. Ничего не ест». Так вот я ничего же не ем. Перед вами мне надо было поесть, это тоже ребус. Тушеная морковь с тушеной цветной капустой. Так что, понимаете... И она меня, девчонку... Врач сказал, что «она всё равно к утру умрет». И коек не было, меня положили рядом, человек умер, я с мертвецом лежала. Она меня стала поить кипятком, ничего другого не было, обжигающим горло всё. Ну как ни странно, он меня согрел. И она меня четыре или пять суток... Ничего не давала, кроме крутейшего кипятка. А потом она, тетя Маша, сказала врачу: «Слушайте» — забыла, как его зовут, тоже старенький врач, замечательный. «Девчонку-то я пять дней...» Ну, труп-то убрали, но все равно я лежала в коридоре где-то. Она же... Говорит: «Как, она жива-то? Вот ведь живучая. Ну ладно, переносите в палату». И дальше она меня выхаживала, до тех пор пока она не уехала. Когда она уехала, мне лихо стало. Но тогда ребята за мной приехали из детского дома вопреки начальнице, которая хотел меня сожрать. Так вот, у мамы примерно то же. Только еще страшнее. И вот мы шли поэтому просить о свидании. И в какой-то момент, совершенно каменный начальник сидел, в какой-то момент бабушка упала на колени. Упала ничком на пол. Он ее поднял и дал всё-таки свидание на два дня. А мне она сказала: «Какая же ты черствая, какая же ты бесчувственная». А я стояла как каменная. Дальше.

01:01:37

А это какой лагерь был?

Это был под Рыбинском. Кстати, там написано, когда впустил... Когда она появилась, в каракулевой... Она никогда не изменяла себя. И вдруг в этом страшном, вдруг появилась какая-то летящая фигура. Уже ей разрешили. Бабушка ее прислала вещи очень красивые. Тогда. Сейчас оно у меня валяется на антресоли. Каракулевая шубка, шапка. И она с

совершенно серебряными волосами: «Мамочка, Ксаночка!» И часовой, который стоял: «Радость-то какая, Наталья Ильинична, навесить вас приехали!» — и пропустил, потом его на гауптвахту посадили, потому что он не имел права пропускать. Дальше.

01:02:30

А почему вы всё-таки в детском доме оказались? Была бабушка. Как вас забирали?

А был... 1941 год был уже. Вначале мы жили с бабушкой. Жили с бабушкой, с бонной, Ларисой Федоровной, которая была у нас. Она, кстати, оказалась преданной. Суматошная, не до этого... Иногда, я вот вам говорила, что Зорьку... Так. А здесь наоборот. Они с бабушкой не жили вместе, не уживались, поэтому бабушка жила отдельно, на Пресне. А тут они ужились. Их беда сплотила, сплотила любовь. Любовь ко мне. Мы жили. Но Лариса Федоровна, поскольку она была немкой, по какому-то вдруг забрали и отправили куда-то в ссылку, где она и пропала, в Казахстан. Остались мы с бабушкой. Бабушка была очень уже старенькая. А тут, значит, школу нашу сказали, что будут эвакуировать. Эвакуировать детей, кто хочет быть эвакуированным. Ну, решили, что эвакуация это такая, ненадолго. Кто знает во время войны, что долго, что недолго. Но всё-таки легче. Всё-таки я буду под присмотром, и это не детский дом, а это интернат. Это совершенно другое. И дети не сироты. Значит, эвакуировали. Ну, а по дороге, значит, я ехала тоже, наши соседи по дому были. Вместе с нами были, значит, Вовка Решетов и Ленка Решетова, и ее мама. Мама была уже, так сказать, держаться подальше от Роксаны. Ну, тут рядом, правда, сейчас было не до разборок. Но тем не менее там мы спасали девочку, Тamarочку. Я не хочу об этом говорить, там в книге есть. И устроили для нее качели. Это очень не понравилось мамочке. И вообще, что я всех перебаламучиваю, что я неизвестно как себя веду, что я слишком своенравна. И когда мы приехали туда, в Саратов, появилась одна из как раз начальниц из детского дома и сказала, что она должна взять кого-то по разнарядке, человек пять-шесть, потому что у нее не хватает контингента, вот те, кто это самое. Ну и она, эта мамочка, прежде всего подсуетилась, сказала: «Так вот — возьмите ее. У нее же всё равно мама сидит, отец расстрелян. Чего она тут? Бабушка уже очень старая. Надо присмотреть за ребенком». Ну вот меня и взяли в детский дом для трудновоспитуемых. Ну и там, кстати сказать, оказались люди, которые в конце концов... В книжке всё написано. Которые стали моими друзьями. И они меня опять-таки спасли. Это они приехали, воспитательница приехала. Вы понимаете, в людях вот это подлое и благородство — оно соприкасается. И в маминой жизни, и в моей. Вот так же ее спасали. Спасали бандиты, [нрзб]. Предавали самые близкие люди. Только разница в том, что она, вот даже в отличие, к сожалению, от Зори Сокольниковой, она никого никогда не предавала. Никого никогда. Очень был сложный характер, очень был сложный, но никто никогда, ни из ее любимых мужчин, она очень увлекалась, да, увлекалась страстно, но потом оставались. Проходил какой-то, возвращалась человеческая сущность. И это прозревало, это давало всходы. Поэтому я никогда не забуду, как сидели четверо влюбленных и смотрели на нее. Как смотрел Леонид Алексеевич. Как она уже в Алма-Ате Сергея Григорьевича Розанова, первого своего мужчину, отца моего брата Адриана, выписала, чтобы помочь ему. В решающий момент, понимаете, без всяких слов. Мне было очень плохо, когда у меня родился ребенок, и тут жуткие соседи были, и неизвестно что. И тут еще сын женился, и с тещей не поладил. Всё, и раздался звонок: «Роксана, значит так, я не могу смотреть, как ты таешь на глазах. В конце концов, ты делаешься плохим работником. Вот что. Есть возможность кооперативную квартиру, однокомнатную, купить для Миши, чтоб в конце концов тебя оставили в покое. Иначе я не могу смотреть, чтобы ты сейчас кончалась на глазах. Немедленно приезжай». Это мама. Это она. Она по мелочам не будет. Но она всё видит. У нас был однажды такой капустник, была такая роль, лесной милиционер в «Красной шапочке», где слова: «Всё я вижу, всё я слышу, за порядком я слежу». Это была мама. Так, я устала, ребят.

01:08:33

Роксана Николаевна, у меня еще на самом деле масса вопросов, я вижу, что вы устали. Вас слушать можно бесконечно совершенно.

Ну не надо, хватит с вас.

01:08:40

Это нереально интересно. Роксана Николаевна, я вас просто прошу, умоляю, мы сейчас на самом деле закончим. Я вас очень прошу, когда у нас будете, встретьтесь, пожалуйста, с нами еще.

Ой, опять так вот?

01:08:50

Нет, не так. Я буду конкретные вопросы — ответы. Настолько интересно! Это так... Ну вы не понимаете, книгу я читал, я знаю, и как она поседела в одночасье, я знаю очень много. Но для этого мы всё равно записываем, потому что не все же читали.

Нет, ребят, не могу. Нет, я устала.

01:09:05

Нет, мы сейчас заканчиваем, Роксана Николаевна, всё сейчас заканчиваем.

Ну вас к шутам. У меня опять поднимется давление. Я только усилием воли. Я лечусь усилием воли. Я заставила себя. Мне три дня назад было совсем плохо вечером. Вдруг оно [давление] стало скакать туда-сюда. Потому что начинается такой вот нахлоп. Это не только вы. «Ой, Роксан Николаевна». — «Да». Я пишу эти новогодние сценарии, черт бы их побрал, каждый год.

01:09:38

А у вас нет завлища? Вы до сих пор сценарии пишете.

Ну... Теперь я сказала: «Ладно, хватит с меня». Это же... Я уже не могу этих Дедов Морозов, Снегурочек, пошли они все к черту. Но всё равно надо сделать, чтобы было интересно, чтобы это мини-спектакль вокруг елки. Ведь это дети, наши дети, да? «Ну, Роксана Николаевна, конечно, всё, в этом году всё. Всё!» И вдруг — здасьте! Но я пишу их хотя бы летом. Приехали. Чуть ли не полтора месяца назад. «Роксана Николаевна, сценарий нужен. И пожалуйста, чтоб там была собака, а еще, пожалуйста, у нас давно одна пожилая актриса не выходила, пожалуйста, сочините что-то». Я вымоталась на этом жутко.

01:10:28

Нет, ну это издевательство просто напросто.

Да это не издевательство, это жизнь. Но дело всё в том, что я действительно, у меня очень пошатнулось здоровье, причем за последнюю неделю. Вот позавчера я была там у себя дома, за городом, и совсем помирала. Вот два дня пожила в Москве, вроде бы два дня были нормальные. Но сейчас я чувствую, что меня уже всю колотит. Всё.

01:10:55

Всё, давайте мы [будем] заканчивать тогда.

Это прелестная идея — закончить.